

Валерий БРЮСОВ

<Рец. на кн.:> **Андрей Белый. Урна. Стихотворения**

Книгоиздат. «Гриф». М., 1909 г. Ц. 1 р.

«Урна» — книга стихов чисто лирическая. Почти во всех стихотворениях, собранных в ней, автор говорит от первого лица, не объективируя своих переживаний, не прикрываясь никакой маской. Это — непосредственные признания поэта, его исповедь*.

В предисловии А. Белый сам выясняет то настроение, которым проникнута его новая книга. По его толкованию, он в своих юношеских созданиях «до срока» (т. е. не будучи к тому достойным образом подготовлен) попытался «постигнуть мир в золоте и лазури» и горько поплатился за свое дерзновение: он был духовно *испепелен* той страшной тайной, к которой осмелился приблизиться. «В «Урне», — пишет А. Белый, — я собираю свой собственный пепел. Мертвое *я* заключаю в Урну, и другое, живое *я* пробуждается во мне к истинному». Может быть, поэт в своем объяснении несколько идеализирует смысл пережитого им, но он прав в том, что стихи «Урны» — это пепел испепеленной чем-то страшным души. Поэзия «Урны» — поэзия гибели, последнего отчаяния, смерти. Лейтмотивы большинства стихотворений — «гробовая глубина и «безмерная немая грусть». Самое характерное восклицание книги — страстный призыв смерти:

Мне жить? Мне быть? Но быть — зачем?
Рази же, смерть!

Чтобы выразить эти мучительные переживания, чтобы рассказать нам трагедию своего «самосожжения», А. Белый должен был

---

* В этом отношении «Урна» резко отличается от другой книги А. Белого, «Пепел», вышедшей на несколько месяцев раньше, но обнимающей стихи того же периода (1906—1909 гг.). В «Пепле» собраны именно те стихотворения, в которых поэт объективирует свои чувства, ищет, для выражения своего *я*, приемов эпоса.

найти соответствующие ритмы и соответствующий стиль речи. Стихи «Урны» показывают, что А. Белый сознал эту задачу, потому что все они написаны в форме крайне характерной, резко отличающейся и от его юношеских стихотворений, и от стихотворений, соединенных в сборнике «Пепел». Правда, местами на стихах «Урны» чувствуется влияние Пушкина, Баратынского, Тютчева и других наших классиков, которых, по-видимому, последнее время изучал А. Белый, но это влияние, так сказать, растворено в самобытных приемах творчества. В «Урне» А. Белый выступает как новатор стиха и поэтического стиля и вводит в русскую поэзию метод письма, которым до него еще никто не пользовался. Стихи «Урны» гипнотизируют читателя, заставляют его, против воли, войти в настроение поэта. То впечатление, какое они производят, ближе напоминает впечатление от музыки, чем от поэтического произведения.

Анализируя этот стиль, мы находим, что он основан на трех особенностях: на отрывочности речи, на постоянных повторениях одних и тех же слов, и на широком употреблении ассонансов. Речь А. Белого состоит из очень коротких предложений, в два-три слова, среди которых зачастую нет сказуемого. Самые слова выбраны тоже небольшие, короткие, двусложные или даже односложные. Все это обращает речь как бы в ряд восклицаний:

С тобой Она. Она как тень,
 Как тень твоя. Твоя, твоя...
 Приди. Да, да! иду я в ночь...
 Молчу: немой молчу. Немой стою...
 Да, я склонюсь. Упьюсь тобой, одной
 Тобой... Тогда... Да, знаю я...

В этой отрывочной речи постоянно, упорно повторяются одни и те же слова и выражения:

Засни, — Засни и ты! И ты!..
 Но холод вешних — Струй,
 Нездешних — Струй, —
 Летейских струй,
 Но холод струй...
 Сухой, сухой, сухой мороз...
 Но темный, темный, темный ток окрест...

Это повторение слов заменяется иногда соединением слов, сходных по значению (большею частью эпитетов):

...горишь
 Ты жарким, ярким, дымным пылом...
 ...нежный, снежный, краткий,
 Сквозной водоворот...

...провал пространств
Иных, пустых, ночных...

Или же соединением слов, сродных по корню, наприм<ер>, глаголов, различающихся лишь приставками:

Изгложет, гложет ствол тяжелый ветер...
Как взропщут, ропщут рощи...
Прогонит, гонит вновь...
Пролейся, лейся, дождь...

И этот отрывистый, составленный из повторений язык весь пронизан ассонансами, аллитерациями, внутренними рифмами, так что постоянно повторяются, возвращаются не только те же образы и слова, но и те же звуки:

Ни слова я... И снова я один...
Легла суровая, свинцовая — легла...
И тенью лижет ближе,
Потоком (током лет)...
Но мерно моет мрак...
В лазури, бури свист...
Сметает смехом смерть...

Не будем обвинять эту технику стиха в искусственности. Вряд ли возможно установить точно, где кончается *искусство* и начинается *искусственность*. Римские поэты сходными приемами умели достигать высшей изобразительности речи. Не будем упрекать А. Белого и за то, что ассонансы, которыми он пользуется, нередко примитивны, и что в нагромождении как их, так и повторений он иногда доходит до явного излишества. В малоисследованных областях трудно различать пределы. Заметим только вскользь, что некоторые повторения А. Белого граничат с космическим, например:

Подмоет, смоеет, моет тень,
Промоеет до зари...

Гораздо серьезнее другой недостаток стихов А. Белого: их утонченность — односторонняя. Проявляя величайшую заботливость о звуковой стороне стиха, А. Белый порой забывает другие элементы поэзии, пожалуй, главнейшие. Так, оставляет многого желать язык стихов. А. Белый пользуется словарем самым пестрым, где рядом со смелыми (и не всегда удачными) неологизмами нашли себе место совершенно излишние славянизмы: «древеса», «очеса», «словеса», «зрю», «лицезрю», «емлю», «зане» и т. п. Весьма оспори́ма форма настоящего времени, производимая А. Белым от глаголов совершенного вида: «ударит», «прыснет», «взропщут», «проскачет», «просечет»; для нас эти формы сохраняют смысл

будущего времени. Сомнительными кажутся нам выражения: «метет душа» (в смысле — «взмывает»), «край» (вместо — «края»), «окурева́ется», «века летучилась печаль», «твердь изрезая» (т. е. «изрезывая»), «те земли ясныя», «копие... на сердце оборви мое» и т. п. С другой стороны, далеко не все образы в стихах «Урны» отчетливы и действительно «изобразительны». Встречается в книге немало выражений условных, риторических восклицаний и натянутых метафор. Стразой, а не настоящим бриллиантом кажется нам эпитет «немой», приставляемый А. Белым к целому ряду существительных: у ночи «немая власть», бездна лет «немая», нетопыри «немые», тени «немые», укор «немой», прибой «немой», «стою немой, молчу немой»... Риторикой считаем мы, напр., выражение: «Хотя в слезах клокочет грудь — как громный вал в кипящей пене». Неудачным кажется нам образ: «вскипят кусты» (т. е. взволнуются), который несколько раз повторяется в книге; не более удачным, — когда говорится о тех же кустах, что они «хаосом листьев изревутся». Не без труда проникли мы в смысл двуступишия:

В окне: там дев сквозных пурга,
Серебряных, их в воздух бросит.

Вообще «дурная» неясность, неясность, происходящая от неловкости выражений, встречается в книге не так редко, как нам того хотелось бы. В одном стихотворении А. Белый грозит своим врагам:

Вас ток моих темнот
Проколет...

Лучше было бы, не для врагов А. Белого, но для него самого, если бы в его стихах было меньше этого «тока темнот».

